

ГОСТЬ «МОСКОВСКОЙ ПРАВДЫ» ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

Кто-кто в «Демгородке» живет?

— Юрий Михайлович, вы — непосредственный участник так называемого литературного процесса, который в настоящее время в сфере искусства наименее заметен. Если можно говорить о «театральной буме» (хотя далеко не все новые спектакли являются шедеврами), если ежемесебно открываются десятки различных художественных выставок, то читатели не могут порадоваться обилию сколь-нибудь заметных литературных новинок. Чем это, на ваш взгляд, объясняется?

— В России традиционно искусство и литература развивались под патронажем государства. Конечно, в обмен на поддержку государство, особенно после революции, требовало от деятелей культуры множество мелких и крупных услуг, но и само в свою очередь заботилось о них. Так, возможность советского писателя спокойно жить и работать от книги до книги всегда, насколько я знаю, вызвала зависть западных литераторов. А наш Литфонд был для них просто сказкой из «Тысяча и одной ночи». Нет, я не идеализирую застой, я просто не желаю тиражировать безнравственный миф о «проклятом прошлом».

Подвляющее большинство писателей сегодня литературным трудом прокормиться не могут. Вероятно, проще всего закрыть «нерентабельное предприятие» и перекалцифицироваться. И многие именно так поступают, хотя для настоящего писателя сменить профессию означает сменить судьбу. Конечно, отсутствие «товара», производимого этими «нерентабельными предприятиями», не так бросается в глаза, как недостаток спичек или сигарет, но зато последствия гораздо разрушительнее...

— В этой ситуации многие писатели, бывшие ранее на «вольных хлебах», устраиваются на службу, чтобы обеспечить хоть какой-то прожиточный минимум. Ваше выдвижение в кандидаты на пост главного редактора журнала «Юность» — это тоже желание обеспечить стабильный заработок или все связано с личными симпатиями к данному изданию?

— Наверное, я один из немногих писателей моего поколения, живущий литературным заработком, «на вольных хлебах». Хотя все возможности стать получающим зарплату секретарем Союза писателей или главным редактором у меня были. В момент какого-то кадрового помрачения, в результате которого и явились на нашу голову многие нынешние столоничники, мне даже предлагали возглавить газету «Красная звезда». Но я дорожу творческой свободой.

Однако «Юность» — это особая статья. Как прозаик я родился в этом журнале благодаря личному мужеству Андрея Дмитриевича Дементьева, в течение многих лет возглавлявшего журнал, еще в те, откровенно цензурные годы были напечатаны мои повести «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа». Все мои произведения без исключения увидели свет в «Юности», я очень благодарен этому журналу, точнее, тому журналу, который был до ухода из него А. Дементьева и редколлегии.

Кстати, моя фамилия в списке членов редколлегии в первом номере за этот год, вышедшем после полугодовой паузы, это какая-то целенаправленная ошибка. Я тоже вышел из редколлегии. И дело не в том, что А. Дементьев, уходя, порекомендовал меня на пост главного редактора, а меня не выбрали. Возглавлять журнал в наше сумасшедшее время — тяжкий крест, и нужно сто раз подумать, прежде чем взвалить его на себя. Дело в отношении. Я все понимаю, все моральные и материальные проблемы сотрудников журнала, но как можно решать судьбу издания, не поставив даже писательскую редколлегию в известность! Вместо альтернативных выборов устроить аппаратный междоусобица!

— Как вы уже говорили, традиционно все ваши новые произведения первоначально печатались в «Юности». В каком же журнале теперь мы сможем их прочитать?

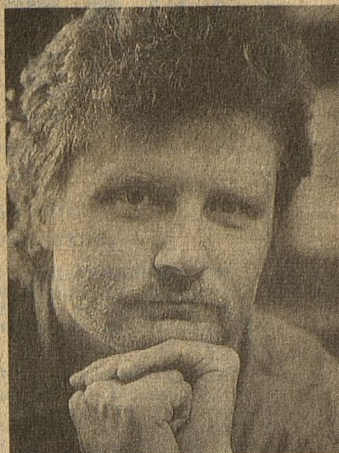
— Сейчас так много различных изданий, что проблемы, где напечататься, лично у меня не было: после публикации фрагментов моей новой повести поступило несколько предложений,

но я, если честно говорить, избалован широкой аудиторией прежней «Юности». А новые, малотиражные издания рассчитаны, по-моему, в основном на экспериментальную прозу, интересную самим экспериментаторам и их друзьям. Поэтому особого выбора у меня не было, ибо широко популярных изданий, ориентирующихся на близкого мне читателя, очень мало, если не сказать — единицы. Я предложил повесть в журнал «Смена», который возглавляет Михаил Кизилев, повесть понравилась и увидит свет в восьмом номере за этот год.

— Здесь, я думаю, уместен вопрос: о чем ваша новая повесть?

— Это несколько необычная для меня вещь — антиутопия. Подзаголовок у нее — «Выдуманная история». А называется повесть «Демгородок».

Не знаю, как вы, как мои читатели, но лично я «перестройку», в том виде, в каком она состоялась, воспринял чрезвычайно болезненно. Флобер шутил, что архитекторы обычно дураки,

забывают, что в доме должна быть лестница. Кто же тогда наши «архитекторы», если они забыли даже о том, что в доме люди живут? Нам второй раз за один век навязали грех большевистского нетерпения. Только тогда железной метлой загоняли в социализм, а теперь той же метлой оттуда выгоняют. Зачем? Ну, разумеется, ради нашего же блага. При чем нас с вами, как водится, даже не спросили...

— А референдум?

— А это был не референдум. Это был общенациональный тест на то, как население усваивает штампы средств массовой информации. Подтвердилось: усваивает хорошо. Ну, посудите сами, если бы власть в действительности хотела узнать, что о ней и ее курсе думает народ, разве она бы стала превращать телевизор — а во время подготовки к референдуму в особенности — в пресс для штамповки единомыслящих мозгов? Еще три года назад я писал о том, что начавшиеся процессы с подлинной демократией ничего общего не имеют, что это всегнансего «комедия политических масок», за которыми скрывается все то же большевистское презрение к человеку. А расплатой за эту буффонаду стала трагедия распадающейся державы (не империи, а державы!), трагедия людей, гибнущих на своей земле, трагедия тех, кто оказался без родины там, где родился и вырос... Только пусть мне не говорят, что реформ без издержек не бывает. По этой логике и Ленин — лучший друг детей, а Сталин — отец родной!

Два года я не писал, поскольку литературный труд казался мне ерундой по сравнению с катаниями, которые трясут страну, со всеобщим распадом. Но потом понял, что все это когда-нибудь кончится (во что трансформируется — вопрос другой), и нужно зафиксировать, сберечь настоящий момент — не «дословно», хронологически, как в газетных публикациях, а в художественной форме.

В новой повести я попытался смоделировать, чем могут завершиться процессы, идущие в стране. Если реформы будут углублять социально-нравственный раскол, то, возможно, и военным переворотом. Причем, я убежден, в военном перевороте прежде всего виноваты те, кто неумными действиями сделал военный переворот в государстве возможным, а только потом те военные, что непосредственно переворот осуществили!

Я допускаю и левый переворот,

кстати, не менее кровавый, но мне захотелось смоделировать правый, ибо им пугают больше всего.

Допустим, к власти в результате «ядерного шантажа» приходит обыкновенный командир подводной лодки. Какие шаги предпримет новый диктатор? По моей версии, он соберет всех, кто довел страну «до жизни такой», и посадит их хоть и за проволоку, но в садово-огородное товарищество, где все будут разделены шестью сотками и цитовым домиком, словом, тем, что ныне является пределом мечтаний рядового труженика. Диктатура в стране будет развиваться по своим законам, а в «Демгородке», где встретятся бывшие противники по партиям, создатели законов и журналисты, экстрасенсы и ученые мужья, бывший народный депутат, все время спавший на сессиях и неоднократно показанный в таком состоянии по телевизору, продолжится жизнь по старым (нашим нынешним) законам. С разборками, кто чем занимался до августа 1991 года и после него.

Но «Демгородок» — это не только политическая сатира, но и повесть о любви. На фоне действий И. О. (Избавителя Отечества) адмирала Рыка и жизни врагоугодников и отчизнопродавцев разворачивается история любви ассенизатора и дочери крупного злодея, выпускницы Кембриджа. Однако переосмысление художественное произведение — неблагодарное и ненужное занятие. Могу только добавить, что моя новая повесть — это и антиутопия, и политическая сатира, и детектив, и лавстори, и литературная пародия.

— «Демгородок» уже завершен, а завершился ли ваш растянувшийся на два года творческий кризис?

— Я сейчас тружусь над повестью, работу над которой прервал, когда «пошел» «Демгородок». Называется она «Гипсовый трубач» и говорится в ней о нашем поколении — без злобной иронии, без отречения от своих прежних взглядов, без обличительства, а с легкой ностальгией. Задумано еще одно произведение, которое в определенной степени будет касаться оккультных наук, почему я сейчас читаю много книг на эту тему.

Возобновились также мои контакты с кино и театром. Вроде бы сдвинулась с мертвой точки работа над фильмом «Мама в строю» — комедии о родительнице, которая пошла служить в армию вместо своего сына. Театр имени Гоголя решил инсценировать мою повесть «Парижская любовь Кости Гуманькова». Она была напечатана в «Юности» в довольно неудачное время — в самый пик всеобщей (в том числе в литературе) озлобленности. Критики тогда писали, что Поляков утратил хватку, стал беззубым. У нас ведь считается, что функции литературы — зубами рвать живое тело действительности. Тогда как, я считаю, зубы ей нужны лишь для того, чтобы сделать надкус, когда надо отсосать из ранки яд. Сейчас люди уже устали от ненависти. Поэтому и возродился интерес к моей «беззубой» повести «Парижская любовь»...

Однако любопытно, что экранизации моих «зубастых» повестей — фильмы «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Работа над ошибками», имевшие серьезный резонанс, по телевизору никогда не показывают, фрагменты — да, полностью — нет. Думаю, это связано с тем, что я часто в печати критикую однобокость нынешнего телевидения, особенно российский, а это тем более обидно, что возглавляет его нынче наш брат — писатель Олег Полцов. Впрочем, ничего тут особенного нет: критический реализм, к которому я смею относить и свои книжки, никогда не нравился властям предрежущим. С постмодернизмом поспокойнее — не так узнаваемо. Но как говорил герой одного классического советского кинофильма: «История нас рассудит, товарищ Бабакин!». Кстати, в «Демгородке» изоленты обращаются друг к другу синтетически — «господарищ»...

Беседу вел
Л. ФОМИНА.

Фото А. ВОЛОДИНА.